

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ



ПОСЛЕ ХЛАДА И СНЕГА

БЕЛГОРОДСКИЙ ТРИПТИХ

1. Тапочки Серафима

Песенка

Протоиерею Николаю Германскому

Серафим по фамилии Тяпочкин
был обычный на вид серафим,
Хоть носил он обычные тапочки,
свет нездешний струился над ним.

Проживал он в посёлке Ракитное,
возле яблоньки, в малом дому,
и невидное небо блакитное
было видно ему одному.

Приближались дали бездонные
от доселе неведанных слов,
и слетались мы, птахи бездомные,
на прокорм — к Серафиму под кров.

Минаков Станислав родился в 1959 году в Харькове. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов. В 1983 окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Член Союза писателей России. Автор журнала "Наши современники". Живёт в Белгороде.

Кто старался у домика этого,
тот такую калитку открыл! —
в обителище света всепетого,
в помаванье немислимых крыл.

Не ослабились узы нисколечко
на просторе пустом и потом,
когда лёг возле храма Никольского
Серафим под дубовым крестом.

В огородиках тяпают тяпочки,
я за тяпочку тоже берусь...
И хранит Серафимовы тапочки
слободская засечная Русь.

2. Памятник владыке Макарию в Белгороде

*На 200-летие Макария (Булгакова),
митрополита Московского и
Коломенского*

Серый, синий, зелёный иль карий
невнимательно, быстро скользнёт,
но несёт послушанье Макарий,
на проспекте, года напролёт.

Как ковригу иль даже веригу,
что тяжка, поелику легка,
держит шуйцей Великую Книгу
и читает её сквозь века.

Он читает, да кто его слышит!
Ты ли слышишь? Иль, может быть, ты?
Ветер книжных листов не колышет —
неподъёмны у правды листы.

Но предчертаны альфа, омега —
и проспавшим, и тем, кто без сна,
и для всех — после хлада и снега —
Красной Пасхой приходит весна,

Чтоб очнулась душа-Эвридика
в той ночи, где поют соловьи,
просвещающей дланью, владыка,
сырых страждущих благослови!

3

Наталье Дроздовой

Богородцева синька женская
небеса проясняет снова
и сияет Преображенская
бирюзой на углу Попова.

Коли дадено нам задание
во спасение, не для штрафа, —
назначаю тебе свидание
у гробницы Иоасафа;

что влечёт в гравитационную,
но ведущую ввысь воронку —
под команду дистанционную
испечённому жаворонку.

Благодать проберёт «до рёбрышков»,
в маловерии онемевших —
словно мальчик Христос воробышков
оживляет окаменевших.

Возрождаются в нас тождественность
упования, жертвы, слова,
торжество торжеств и торжественность
Православия золотого.

НА СМЕРТЬ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

Три бутылки рижского бальзама —
и упал на пристани поэт.
У него от русского Сезама
открывашек и отмычек нет.

Всякий волен жить среди кошмара,
а ему, подумайте, на кой?
Беспокойный городок Самара,
стихотворца Мишу упокой!

Если ты запойный алкоголик,
а не просто пьющий человек, —
эту жизнь, испетую до колик,
различишь из-под закрытых век.

Можно быть, конечно, и без рая,
если слово русское постиг,
но, к полку последних добирая,
ходит Михаил Архистратиг.

Станешь ты не совести изменник,
а рванёшься ввысь, многоочит,
если твой Небесный соименник
меч тебе, тщедушному, вручит.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

На что ты, мама, уповала,
толкая колыбель рукой,
когда пила крестоповала
завыла ночью за рекой?

С какого бала эта Клава
влетела на метле в окно?
На ней — срамная балаклава,
а вместо сердца — толокно.

Кто вырастил её такую?
У алтаря скакала: глядь! —
ещё вчера — дитя родное,
а нынче — купленная б...ь.

Сказали: на тюремной шконке
она сидит, но при луне
с бензопилой, как чёрт в печёнке,
встаёт в решётчатом окне.

И, проклиная все святыни,
в плену кромешной маеты,
она летит по русской стыни
и косит русские кресты.

Ты молвишь, что она другая,
всплакнёшь, ромашку теребя?
Ах, мама, мама дорогая!
Мне страшно, мама, за тебя.

АЛЕКСЕЙ САВРАСОВ. “ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ”

Кто толкует про крах человечества,
кто куёт себе “счастья ключи”...
Только вновь на гнездовья Отечества
по весне прилетают грачи.

Всё возможно для русского —
Пáлехи,
и Федоскино, и Хохлома,
и мо́лоховы всполохи памяти,
где кровавой слюны бахрома.

Можно дыбить судьбину хитровую,
стыдный сор выносить из избы...
Только всё ж колокольню шатровую —
среди берёз, в облаках — не избыть.

Вспомни церковку ту, Воскресенскую,
меж грачиных пронзительных гнёзд,
синеву Богородцеву женскую,
что сочится на землю из звёзд.

Вспомни тёмные маковки медные,
тени веток на талом снегу.
И крестьянские хижины бедные
не затри в замутнённом мозгу.

Отдыхай, прозревай или ратничай —
поднимай над горбушкой ржаной
за помин Алексея Кондратьича
русской водки стакан крыжаной!

Помрачившийся классово, расово,
мой народ, заплутавший, как тать,
не забудь живописца Саврасова,
что учил Левитана писать.